

Москва бьет с носка

Сценаристу фильма «Москва слезам не верит» исполнилось 65 лет

Встреча в Москве. — 2000 — 13 марта. — с. 5

По его сценариям снято более тридцати картин. К ошеломляющему успеху своего главного детища — «Москва слезам не верит» — Валентин Черных шел витиеватой дорогой. Взрослую жизнь начал судовым сборщиком. Был авиамехаником, рыбаком, журналистом, работал редактором киножурнала «Фитиль», режиссером ТВ. Сегодня Черных преподает на сценарном факультете во ВГИКе, возглавляет киностудию «Слово». Имеет массу врагов и завистников. Этот человек чувствует время, знает людей и не боится говорить то, что думает. Его проза — калька с нашей жизни — действует как внутривенный укол. «Это не цинизм, — разъяряет Валентин Константинович, — просто вижу вещи в реальном их свете».

Анна ЩЕРБИНА

— Вы не скрываете, что агрессия — доминанта вашего характера...

— Это часто прикрытие. Моя агрессия от комплекса провинциала. Когда приезжаешь завоевывать Москву — без поддержки родственников и друзей, без жилья — это вырабатывает определенные качества: не тронь, а то попишишь.

— А когда «завоевана» не только московская квартира, но и место под солнцем, психология провинциала меняется?

— Чтобы художнику быть в форме, быть конкурентоспособным — агрессивность необходима. Надо постоянно доказывать, что ты можешь. Молодым легче — от них еще чего-то ждут: нового и свежего. Чем старше, тем тяжелее удивлять и не повторяться.

— Прошлые достижения смягчают неизбежные провалы?

— Неудачу не прощают. Я сам начинаю это понимать, руководя студией, поэтому не приглашаю режиссеров — своих ровесников. К шестидесяти годам все свои примочки они уже использовали и начинают повторяться. Можете сами проанализировать картины наших корифеев.

— Считается, что с возрастом появляется мудрость.

— На самом деле никакой мудрости не появляется. Склероз появляется. Старики становятся болтливыми, зацикленными на себе, обидчивыми, особенно если мозг не натренирован. Я пишу каждый день или роман, или рассказ, или эссе, или сценарий, или дневник. Вот мы поговорили, я запишу про вас: как вы выглядели, говорили, что вокруг творилось — я нормальный графоман.

— Как вы начинаете работу над сценарием: заранее выстраиваете историю или по ходу?

— Я знаю, с чего начнется и чем закончится.

— А если режиссер начинает гнуть сценарий «не туда», что вы делаете?

— Раньше ругался, сейчас ничего не делаю. Поумнел. Режиссера не переделаешь. По моим сценариям сняты тридцать два художественных фильма, из них только семь удачных.

— Можно высосать историю из пальца?

— Высосать несложно, но малоинтересно. Скажу так: живя в Москве тридцать семь лет, я не пишу о коренных москвичах.

— Почему?

— Я их плохо знаю. Все мои знакомые, с которыми я начинал, — провинциалы, которые потом стали москвичами, но психология коренного москвича у них так и не сформировалась. «Москва слезам не верит» — история о провинциалах, которые завоевывают Москву.

— А настоящая дружба возможна между коренным москвичом и «москвичом» первого поколения?

— Для дружбы надо иметь мос-

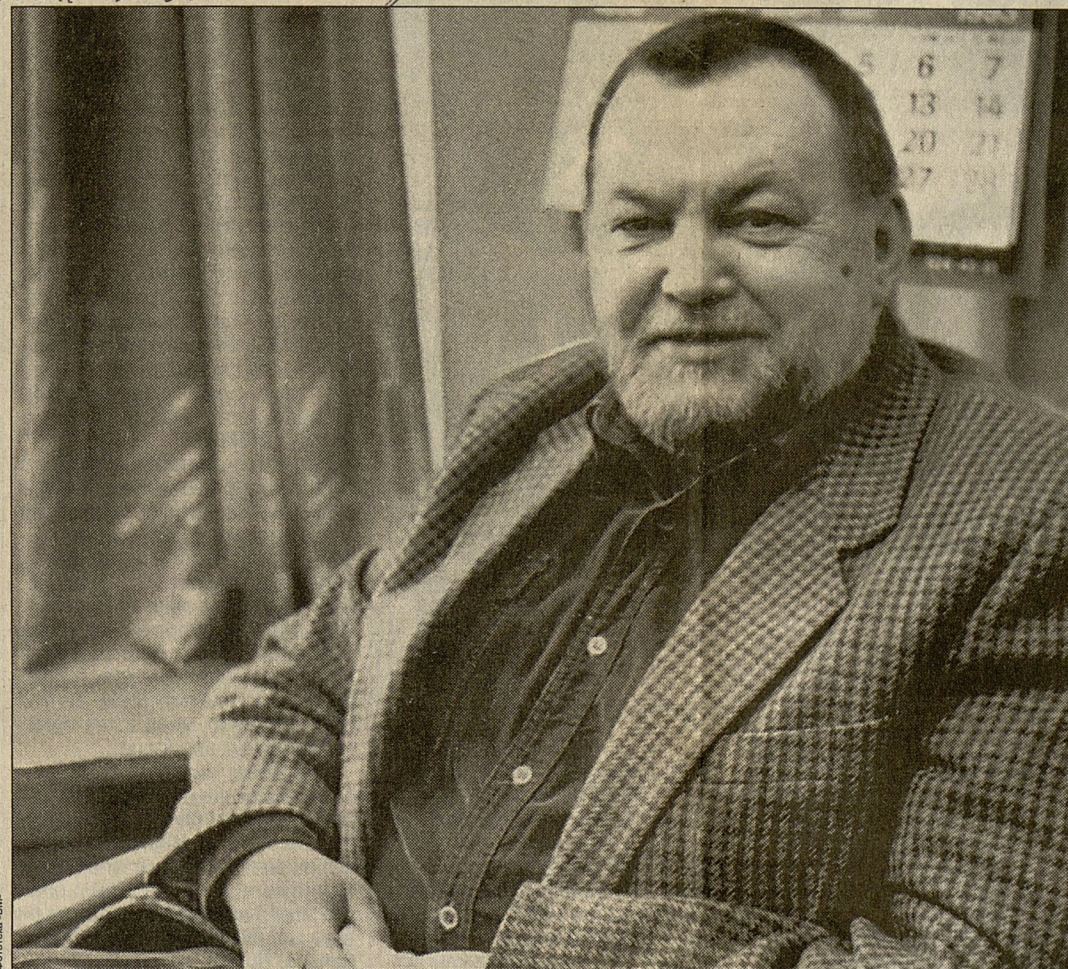
«Моя агрессия от комплекса провинциала. Когда приезжаешь завоевывать Москву, это вырабатывает определенные качества: не тронь, а то получишь»

ковскую психологию.

— А что такое московская психология?

— Москвич, как и парижанин или римлянин, — особый, ни на что не похожий мир. Москвич ценит время, умеет считать деньги, быстр в движении, медлителен на дружбу и быстр на драку. Недаром говорят, что «Москва бьет с носка». Это очень агрессивный город.

— Понимаю, почему вы вы-

брали именно такое название для картины.

— Эта пословица наиболее характерна для города. Кстати, ее очень трудно перевести на другие языки — иностранцы не понимают, что она значит. Думают, что фильм про войну. Немцы сначала перевели как «Несентиментальная Москва».

— Не хотите написать продолжение?

— Предложение есть, но серьезных действий пока ни я, ни Меньшов не предпринимали. В прошлом году был телемарафон к двадцатилетию ленты, и актрис из фильма спросили, что произошло в их жизни за двадцать лет. Женщины на минуту забыли, что они актрисы, и начали рассказывать о своих внуках. Я тогда подумал: о чем они говорят? Актриса должна быть всегда молодой, соблазнительно играть любовь — какие внуки? Фильмы о бабушках, конечно, тоже интересны. Если будет

продолжение, то это будет фильм о молодых. У Антонины трое сыновей, у Катерины дочь. Кстати, Юлия Меньшова начинала как хорошая актриса. Она и Алентова похожи даже в интонациях. Но я точно знаю, что поколение героев, которые были главными в «Москве», главным уже быть не может.

— Вам не обидно, что лавры и обожание зрителей собирают актеры, отчасти режиссер, а сценариста обычно даже не знает зритель?

— Для актера это очень важно: всеобщее обожание, чтобы его узнавали на улице. У писателя совсем другая психология. Мы не на сцене, мы — в зале. Из зала тоже интересно наблюдать за происходящим.

— Какой вы видите современную действительность?

— Это сложный вопрос. Неудачи сегодняшнего кино в том, что многие писатели и режиссеры не смогли сориентироваться во времени. Привыкли писать медлительную добрую киноповесть, да еще по заказу, а сейчас никто ничего не заказывает, да и трудно перестраивать сознание, когда

надо предлагать самому и конкуррировать. Надежда на новое поколение. Оно резко отличается от предыдущих — очень прагматично и сразу хочет все понять: как писать, как продать, как выиграть, как быстрее достичь успеха. И у них нет пиетета перед старшими. Это радует. Я это замечаю по студентам ВГИКа.

— Вас это в самом деле радует?

— Если молодой человек — способный и непочтительный, это заставляет и самого быть в форме. Могут быть конфликты, что естественно в творческом вузе, но «нелюбимчику» я уделяю больше внимания, чем всем остальным: не дай бог, он почувствует мою антипатию. Сейчас у меня больше власти и возможностей, но и молодые вырастают, становятся величинами в кино и могут потом сквитаться.

— Это робость?

— Это разумность.

— А если разрыв неизбежен?

— Иду на компромисс: предлагаю перейти на другой курс.

— Мы говорили о современности...

— В свое время Гитлер издал

приказ: «Прекратить работу над оружием, которое не может быть введено в производство в течение года». Наша страна живет сегодня по этому же принципу. Продержаться хотя бы год. Расплатиться с офицерами, пенсионерами, учителями, врачами. Кино, культура по-прежнему существуют по остаточному принципу. Давно известно, что и человек, и строка, которые живут одним днем, всегда проигрывают. Сегодня кино в кризисе. Деньги дают телевидению. Утром деньги — вечером кто-то кого-то готов облить грязью. Но исчезли ныне самый популярный ведущий на полгода с экрана — забудут и о нем, и о его передаче. А кино живет десятилетиями. Уже сотни раз повторялись по телевидению фильмы Рязанова и Ростокского, Данелии и Гайдая. Фильмы по моим сценариям тоже десятки раз в год идут по всем каналам ТВ.

Если говорить о современной истории, я думаю, что наконец настала пора осмысления. Мы явно переоценили и Горбачева, и Ельцина. Переоценили, но не ошиблись. Не из кого выбирать. Каждое время выдвигает своего лидера. Из сегодняшней команды в двенадцать игроков-претендентов явно лидирует Путин, остальные могут играть только в защите или ползущите.

Сегодня мы как народ-кентавы: наполовину — советские, наполовину — непонятно какие. Феномен кентавра может осмыслить только искусство.

— Какие проекты осмысливаете сейчас ваша студия?

— Начинаем работать над картиной по сценарию Анатолия Усова, который называется «Русский Гафнюк» — о том, как русских выдвигают из Средней Азии. Черный человек, который всю жизнь прожил в Средней Азии, вынужден уехать в Россию, и он уверен, что его должны принять — ведь он русский. Приезжает и видит, что его никто не ждет, он никому не нужен. Для меня это принципиально: я хочу, чтобы этот фильм был поставлен у нас на студии.

— Почему? А вдруг он окажется неконкурентоспособным?

— Есть миллионы людей, которые тронулись с места, возвращаются в Россию, — и миллионы, которые готовы это сделать, миллионы, которые вернулись и плохо здесь живут. Это кино про них, значит, будут смотреть миллионы. Мы хотим сказать: да, трудно, но если вы русские люди — будьте русскими. Если рядом с вами плохо людям — поделитесь, примите, иначе вас когда-нибудь выгонят и вас никто не примет и не поделится.

— Какой тост вы произнесете на своем дне рождения?

— Я уже двадцать пять лет не праздную день рождения и не произношу тостов. Но у меня есть одно личное успокоение: никогда не беги за уходящим трамваем, потому что обязательно придет следующий.